

Последний сказитель Русского Севера

ИЛЬЯ ЛЕМЕШКИН

Исследователи прошлого века, наблюдавшие исчезновение былинной традиции, отмечали любопытную особенность – эпический сюжет на местах своего былого бытования какое-то время давал о себе знать на уровне фразеологии. Сюжет и сама память о сюжете в стремительно меняющейся обстановке Русского Севера безвозвратно растворялись, однако отдельные былинные формулы и обороты еще длительное время воспроизводились: „Весело женился, да не с кем спать“, „Конь у Кирина запинается. А под конем мать сыра земля гибается“, „Был бы от земли до неба столб, поворотил бы весь свет“ и т. д.

В чем-то похожее явление можно до сих пор наблюдать в квартире Юрия Александровича Новикова и Брониславы Кербелите, где былины и богатыри все еще продолжают говорить своим аутентичным голосом.

День в семье фольклористов нередко начинается с „воззвания“ Добрыни Никитича, который, заплыв за последнюю струю Пучай реки, оказался во власти Змея:

Дай ты мне, Змэй, приодётся,

Дай ты мне, Змэй, приобётся.

Именно так в кенозерской редакции „Добрыни и змея“ герой, сидя на камушке, обращается к своему грозному антиподу. Сейчас в доме Юрия Александровича данные слова чаще всего звучат из уст Брониславы, а заботливый „Змей Горыныч“, следуя богатырскому этикету, тут же приносит тапочки или иные элементы гардероба своей „супротивнице“.

Стоит отметить, что выше приведенный мотив не зависит от книги и чрезвычайно редок¹! Как и многие другие стихи, пронизывающие повседневный быт вильнюсских фольклористов, он является целиком подлинным. Подлинным в том смысле, что именно в таком музыкально-словесном выражении Ю. А. Новиков и Б. Кербелите некогда переняли данную былинку у сказителей Кенозера. Студенческие записи шестидесятилетней давности, в том числе собранные неразлучной парой Кербелите-Новиков, в ожидании 19-ого тома *Свода*² хранятся в Архиве кафедры фольклора МГУ. Исследователь же, стремящийся познакомиться с былинной традицией в ее *живом виде*, должен навестить фольклористов на дому. Этой ценной возможностью до сих пор охотно пользуются студенты и молодые исследователи, для которых квартира на улице Геросиос Вильтиес (Доброй Надежды) становится своеобразной фольклорной и фольклористической лабораторией.

Вереница гостей, для которых Ю. А. Новиков и Б. Кербелите стали ценными информантами и наставниками, за последние десять лет только выросла, и для этого есть свои причины. Оба профессора практически одновременно завершили свою многолетнюю преподавательскую деятельность, а также были вынуждены отказаться от участия в заграничных конференциях и фольклористических школах, где ранее щедро делились своим богатым опытом.

Данной возможностью „домашнего просвещения“ с удовольствием пользуются преподаватели и студенты Карлова университета, в памяти которых

1 Онежские былины, подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова, подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. Чичерова, (*Летописи Гос. лит. музея*, кн. 13), Москва: Гос. лит. музей, 1948.

2 *Свод русского фольклора. Былины: в 25 томах*, Санкт-Петербург: Наука–Москва: Классика, 2001–...

сохраняется яркое фольклористическое событие 2005 г. Тогда по приглашению Карлова университета и под защитой Пражского лингвистического кружка Ю. А. Новиков вместе с супругой посетил Прагу, где в стенах Философского факультета и Национальной библиотеки (*Klementinum*) оживил старину. Пение былин, которое студент Ю. Новиков перенял от сказителей середины прошлого века, было знаменательным. С периодичностью в 50 лет былина вновь звучала там, где перед этим ее исполнял А. Д. Григорьев и В. И. Чичеров (оба упомянутых исследователя близки юбиляру: В. И. Чичеров преподавал Ю. А. Новикову, а А. Д. Григорьев в начале XX в. формулировал принципы сравнительно-текстологического изучения героического эпоса). Заграничные студенты этнологии, баллистики и славистики, приезжающие в Вильнюс на стажировку (иногда лишь с целью повидать фольклористов), с благодарностью посещают „вечерний факультет“, так как в ситуации „почестного пира“ получают ценные консультации, советы, слышат волшебную сказку, былинку, балладу и проч. Исходя из своих научных предпочтений, Б. Кербелите преимущественно исполняет нарративную прозу, Ю. А. Новиков – песенный фольклор.

Доскональное знание традиционной деревни, которой уже не существует в том давнем виде, – отличительная черта юбиляра. Систематические полевые исследования Русского Севера для него начались еще в студенческие годы (летом 1956 г. после первого года обучения)³, продолжались после окончания Филологического факультета МГУ в 1960 г. Под началом опытного учителя – Эрны Васильевны Померанцевой – полвека назад состоялось постижение фольклорных жанров, многие из которых сейчас уже давно мертвы. Именно тогда Ю. А. Новикову привелось тесно работать с немногочисленными сказителями Карелии и Архангельской области, причем работа, как правило, велась „в две смены“. Оказавшись на месте в разгар полевых работ, студент МГУ помогал информантам с сенокосом и другими изнурительными работами страдной поры, а вечером слушал и записывал у благодарного сказителя песни. Шестьдесят лет назад Русский Север принял студента Новикова за своего, в свою очередь Юрий Александрович попытался приобщиться (в той мере, в какой это тогда еще было возможно) к былинной традиции Заонежья, Восточного Обонежья, Кенозерья и т. д. Таким образом ученик Э. В. Померанцевой

3 Одна из первых значительных работ Ю. А. Новикова посвящена осмыслению экспедиционного материала 1956–1959 гг.: Ю. Новиков, Ю. Смирнов. „Северные экспедиции кафедры фольклора Московского государственного университета (1956–1959 гг.)“, *Советская этнография*, 1960, № 4, с. 162–168; см. также: Л. Астафьева, Л. Генник, Ю. Новиков... [et al.]. „В поисках былин“, *Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия*, 1958, № 1, с. 185–189; Е. Костюхин, Ю. Новиков, Ю. Смирнов. „Архангельская фольклорная экспедиция 1959 года“, *Вестник Московского университета*, сер. VII: Филология, журналистика, 1960, № 1, с. 85–87.

сам стал носителем былинной традиции (вкупе с горсткой студентов-сверстников), причем сейчас его можно считать *последним сказителем Русского Севера*.

Приобщению Ю. А. Новикова к героико-эпической традиции Русского Севера способствовало несколько обстоятельств, о которых здесь вкратце стоит упомянуть. Детские годы юбиляра тесно связаны с миром деревни, а именно с селом Федоровка Неклиновского района Ростовской области. К данному месту восходят первые детские воспоминания, и они связаны с трагическими событиями 8 октября 1941 г. В тот день жители Федоровки наблюдали, как в их деревню заходила колонна немецкой техники. Детская память на всю жизнь запечатлела эту сцену, как и день освобождения Федоровки от оккупантов. Героико-эпическая тема насыщала жизнь и в последние годы войны, когда семья, переехав в Ростов-на-Дону, воссоединилась с отцом (до того времени бывшим на фронте). Александр Новиков, получив в боях под Сталинградом серьезные ранения, к тому времени в Ростове обучал военному делу начинающих саперов, а после войны вернулся к привычному занятию – преподаванию истории.

Годы взросления сопряжены с иным благоприятным обстоятельством. Отец Ю. А. Новикова работал в железнодорожной школе для детей железнодорожников, поэтому на него и членов его семьи распространялась профессиональная льгота в виде бесплатного проезда (раз в год) в любом направлении по территории СССР. В 1954 г. после окончания девятого класса отец и сын отправились в познавательное путешествие: железнодорожный маршрут с продолжительной остановкой в Москве вел в Ленинград и обратно. Годом позже – с твердой уверенностью поступить в столичный вуз – Ю. А. Новиков отправился в Москву самостоятельно.

Первоначально молодой человек видел себя в романтическом и увлекательном образе геолога, однако, оказавшись в Москве, с сожалением понял, что данную мечту разделяет слишком большое количество его сверстников. Знаний по физике и по химии, полученных в провинциальной школе, могло попросту не хватить (многие москвичи к поступлению в вуз готовились с репетитором), поэтому абитуриент был вынужден обратиться к иной области знаний. Блестящие предпосылки были для поступления на исторический факультет, однако, вырастая в семье историков (мать ученого была тоже учителем истории и воспитанницей Ростовского государственного университета), Ю. А. Новиков к этой дисциплине набил оскомину. Не имея возможности изучать точную прикладную науку и не желая тратить время на приевшуюся историю, молодой человек избрал филологию. Когда на вступительном экзамене его попросили проанализировать *Поднятую целину* Михаила Шолохова, абитуриент дерзнул перечислить „серьезные недостатки“ этого произведения.

Во-первых, по его мнению, художественный текст пестрит диалектизмами, которые вполне понятны для него, экзаменуемого, но создают серьезные трудности для „не степного“ читателя романа. Во-вторых, автор явно перестарался с дедом Щукарем, вычурный образ которого, особенно во втором томе романа, является совершенно неестественным.

Перечисленные подробности детства и юности Ю. А. Новикова нам кажутся показательными, так как в некоторой степени проливают свет и на научно-филологический профиль юбиляра. Критические замечания, высказанные в 1955 г. по отношению к *Поднятой целине*, хорошо согласуются с общеизвестной критичностью исследователя к корпусу былинных текстов, когда он последовательно выявляет фальсифицированные тексты и малейшие признаки рефольклоризации книжных элементов. С другой стороны, в своей кропотливой текстологической работе автор напоминает стратиграфа, который, работая с культурным слоем, отчетливо выделяет геологический субстрат, вторичные напластования осадочных и вулканогенных пород и т. п. Таким образом создается геохронологическая основа для изучения тектонических процессов, некогда происходивших в эпическом пространстве Новгородских земель. В конце концов, во всех исследованиях Ю. А. Новикова чувствуется семейный потенциал, т. е. почерк хорошего историка, который в фольклористике последовательно борется с плодами вульгарно-примитивного историзма⁴.

Учитывая полевую работу Ю. А. Новикова середины прошлого века, следует подчеркнуть, что для современного фольклориста опыт Ю. А. Новикова является уникальным и неповторимым, поэтому наблюдения над динамикой развития былинного канона, звучащие из уст такого человека, приобретают совершенно особую весомость. По ходу того, как развивается научная мысль, появляются новые концепции и методы, рождаются и исчезают целые направления и школы, ранее созданное – статьи и монографии прошлых лет – имеют тенденцию постепенно, но неизбежно устаревать, утрачивать былую значимость. Исключение, пожалуй, составляет каталогизирующая, энциклопедическая, справочная литература, востребованность которой в черед десятилетий, столетий сохраняется (достаточно вспомнить хотя бы о наследии В. Даля, к которому юбиляр в своих работах неустанно возвращается). В случае с проф. Новиковым таковым трудом, без всякого сомнения, является – *Былина и книга: аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных текстов* (дополненное 2-е издание, СПб., 2001)⁵.

4 Напр., Ю. А. Новиков, „Точку ставить рано... (О концепции новгородского происхождения русской былинной традиции)“, in: *Фольклор: проблемы историзма*, Москва: Наука, 1988, с. 19–41.

5 Впервые книга издана в Вильнюсе: Ю. А. Новиков. *Былина и книга: указатель зависимых от книги былинных текстов*, Вильнюс: Вильнюсский педагогический университет, 1995.

Данному указателю суждено стать настольной книгой любого серьезного эпосоведа, вне зависимости от того, когда, где бы он ни работал и к какой из теорий себя не причислял.

Ю. А. Новиков – внимательный фольклорист-текстолог, поэтому на фоне многочисленных фольклористических сочинений его работы отличаются не только скрупулезностью, но и куда большей „живучестью“, устойчивостью во времени. В них мы не находим балласта, красивых, но голословных спекуляций, т.е. ничего того, что в самом тексте былины нельзя предметно осязать. За каждым выводом, утверждением кроется глубокое знание героического эпоса, многолетние текстологические и типологические наблюдения, обстоятельная доказательная база, *всегда* критически учитывающая *все* записи былинных текстов. Статьи, полемически откликающиеся на перегибы историков, мифологов и пр., возможно, будут иметь временное значение, до тех пор, пока данные направления исследовательского поиска будут на виду, но все то, что было написано *по существу*, на очень долго, если не навсегда, останется практически незыблемым. В этом отношении настоящим событием стало появление книги Ю. А. Новикова *Сказитель и былинная традиция* (СПб., 2000), которую в дальнейшем продолжили монографии: *Динамика эпического канона* (Вильнюс, 2009) и *Эпический мир и способы его художественного воплощения (Из текстологических наблюдений над былинами)* (Вильнюс, 2013).

Выверенный исследовательский подход к фольклорному тексту, привитый Э. В. Померанцевой (ее удаление из университета вследствие кадровой чистки 1958 г. никак не сказалось на тесном общении с учеником), обусловил современное положение дел – Ю. А. Новиков в России и за ее пределами неукоснительно воспринимается как самый авторитетный знаток былин. Именно поэтому профессор-эмерит Вильнюсского педагогического университета (ныне – Университет им. Витовта Великого) на протяжении многих лет трудится над сюжетными научными комментариями к текстам былин для *Свода русского фольклора*. Трудоемкие комментарии вместе с текстологически выверенным изданием полевых записей, по сути, и делают *Свод* подлинно научной публикацией (другие метатекстовые части *Свода*, например, вступительные статьи, создаваемые коллективом авторов, не всегда выдерживают жанровую целостность и одинаково качественны). По масштабу проделанной работы ничего подобного ранее не было (ближе всего в этой цели в свое время подошла А. М. Астахова), поэтому хочется надеяться, что текстологическая „визитная карточка“ *Свода* будет сопровождать издание вплоть до последнего его тома (на сегодняшний день издано 12 фолиантов *Свода*; Ю. А. Новиков уже подготовил текстологические комментарии и для подавляющего большинства пока что ненапечатанных томов).

Ю. А. Новиков относится к той группе всецело поглощенных работой ученых, для которых в принципе никогда не существовало так называемых запрещенных тем. Такие ограничения прежде всего возникали в головах начинающих исследователей, которые, идя в ногу со временем, совершенно естественно стремились заниматься «полезными» жанрами («советскими» былинами, прогрессивным пролетарским фольклором и проч.). Экспедиции 1956–1959 гг., помимо вымирающей быliny, затронули и другой архаичный пласт – духовные стихи, часть которых, будучи близкородственной героическому эпосу, исполнялась тем же самым речитативным пением. К сожалению, историческая конъюнктура не способствовала изучению этого жанра. Увлеченный старинами на христианские темы и сюжеты Ю. А. Новиков в семидесятых годах прошлого века какое-то время искренне недоумевал, почему его заявки на участие в конференциях и симпозиумах оставались без ответа или отклонялись. Интерес к официально неинтересному, исследование неизучаемого дало в то время чрезвычайно важный результат в виде обобщающей работы *К вопросу об эволюции духовных стихов*⁶. Эта уникальная в контексте своего времени статья стала для русской и зарубежной науки единственным источником информации о духовных стихах.

Совершенно по-особому Ю. А. Новикову благодарны Литва эпическая (о ней подробнее, например: „Эпическая память о Великом княжестве Литовском: Литва и литовцы в русском фольклоре“, in: *Senosios raštijos ir tautosakos sveika: kultūrinė Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės patirtis*, Vilnius, 1998, p. 28–50; „Литва в русском фольклоре“, in: *Художественный текст: Восприятие. Анализ. Интерпретация*, № 6, Вильнюс, 2008, с. 17–25 и др.) и Литва современная. Многолетняя кропотливая полевая работа вылилась в целую серию фундаментальных работ по фольклору староверов Литвы и шире – Прибалтики, таких как: *Русские пословицы Литвы...* (Вильнюс, 1992), *По заветам старины: мифологические сказания, заговоры, поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы* (СПб., 2005), *Фольклор старообрядцев Литвы*, т. 1: *Сказки. Пословицы. Загадки* (Вильнюс, 2007), *Фольклор старообрядцев Литвы*, т. 2: *Народная мифология. Поверья. Бытовая магия* (Вильнюс, 2009), *Фольклор старообрядцев Литвы*, т. 3: *Народные песни. Частушки. Детский фольклор* (Вильнюс, 2010).

Дорогой ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, от имени чешских единомышленников и коллег по Пражскому лингвистическому кружку и от имени всех ценителей Ваших человеческих качеств и научных достижений – МНОГАЯ ЛЕТА!

6 Русский фольклор, т. 12: Материалы и исследования, Ленинград: Наука, 1971, с. 208–220.